

Геологический вестник

Заместитель Министра
природных ресурсов и экологии Российской Федерации –
руководитель Федерального агентства по недропользованию

Уважаемые коллеги и друзья!

В этот профессиональный праздник от себя лично и от имени Федерального агентства по недропользованию сердечно поздравляю всех работников горнодобывающей отрасли с Днем шахтера.

В этот день мы чествуем настоящих мужчин, на чьи плечи возложена колоссальная ответственность за обеспечение и развитие Российского топливно-энергетического комплекса.

Горное дело существует в России более 500 лет, и все это время активно развивается целыми поколениями горняков. Вы обеспечиваете теплом и светом дома, поддерживаете бесперебойную работу предприятий, укрепляете энергетическую безопасность страны.

Трудовой путь шахтера полон препятствий и сложностей. Благодаря профессионализму своих работников горнодобывающая промышленность прочно укрепила свои позиции в российской экономике.

От всей души желаю вам крепкого здоровья, личного счастья, пусть удача сопутствует вам во всех начинаниях, успехов в реализации планов, будьте полны сил и жизни!

Поздравляю вас профессиональным праздником – Днем работников нефтяной, газовой и топливной промышленности!

Наша страна, богатая уникальными природными ресурсами, по объему запасов нефти и газа входит в число ведущих держав мира, а ее нефтегазовый комплекс играет ключевую роль в отечественной экономике, он был и остается основой для стабильной работы промышленности, транспорта, реализации социальных программ, повышения благосостояния граждан.

Работники нефтяной, газовой и топливной промышленности достойно продолжают лучшие традиции ветеранов отрасли, обеспечивая энергетическую и экономическую безопасность нашей Родины.

Каждый из вас вносит свой вклад в большое и важное для страны дело. Именно вы, ответственно решая свои профессиональные задачи, зачастую в сложных климатических и географических условиях, обеспечиваете эффективное развитие нефтегазового комплекса и сохранение позиций России на мировых рынках.

Уважаемые труженики и ветераны нефтегазовой отрасли, спасибо вам за ваш самоотверженный труд, мужество и высокий профессионализм!

Убежден, что и впредь, опираясь на опыт многих поколений своих предшественников, на замечательные традиции, сложившиеся в нефтегазовой промышленности, вы будете успешно решать поставленные государством задачи.

В.А. Пак

День Шахтера - 30 августа 2015 г.

Принято считать, что горным делом на территории России стали заниматься в конце 15 века, во время правления Ивана III, Великого князя Московского. В 1491 году в Печорский край для поиска полезных ископаемых была отправлена первая экспедиция.

К концу 19 столетия добыча угля заняла одно из главнейших мест среди других отраслей промышленности России. В то время число рабочих, занимающихся горным промыслом, достигало практически полмиллиона человек. По мере того, как развивались металлургическая промышленность, а также водный и железнодорожный транспорт, резко возросла потребность в угле, поэтому стали строиться угольные шахты на Урале, в Донбассе, на Дальнем Востоке, в Кузнецком и Подмосковном бассейнах. И если в 1860 году добывалась 121 тысяча тонн угля, то в 1900 году эта цифра достигала уже 12 миллионов тонн. В 1916 году шахтеры добыли 34,5 миллионов тонн угля.

В 1935 году было зарождено «стахановское движение». Основателем этого движения, его инициатором и вдохновителем стал забойщик Алексей Стаханов, который работал на донбасской шахте «Центральная-Ирмино». Ночью с 30 на 31 августа им был установлен беспрецедентный рекорд: за 5 часов 35 минут он добыл 102 тонны угля – 14 норм. Это событие и послужило началом движения, названного «стахановским». Этот шахтер сумел доказать на деле, что при надлежащем и умелом использовании техники, а также при грамотной организации труда можно достичь резкого роста производительности труда.

10 сентября 1947 года по предложению А.Ф. Засядько и Д.Г. Оника, министров угольной промышленности СССР был официально учрежден праздник – День шахтера. Первое празднование этого дня состоялось в 1948 году, 29 августа. В начале 1948 года министром был издан указ о подготовке к этому праздничному событию. В указе было особо отмечено, что все работники горнодобывающей промышленности должны быть обеспечены улучшенными жилищно-бытовыми условиями, а в свою очередь встретить этот день новыми производственными достижениями. Особо отличившиеся шахтеры должны быть публично награждены. Также определялись меры по вводу в производство новой техники, ускорению ремонта и строительства шахт, нормы по укреплению и стабилизации трудовой дисциплины. В Москве в День шахтера было проведено торжественное заседание.

Сегодня, угольная промышленность чрезвычайно важна для экономики страны, обеспечивая население и предприятия топливом. В благодарность за тяжелый труд во многих городах стран СНГ День шахтера отмечается с большим размахом.

Для таких городов как Караганда, Воркута, Донецк, Инта, Кемерово и многих других угольно-добывающих районов День шахтера является одним из главных праздников года.

День работников нефтяной, газовой и топливной промышленности - 6 сентября 2015 г.

История развития нефтяной промышленности берет свое начало в XVIII веке. В 1702 году царь Петр Первый издал указ об учреждении первой регулярной российской газеты «Ведомости». В первом выпуске газеты была опубликована статья о том, как была обнаружена нефть на реке Сок в Поволжье, а в более поздних выпусках была информация о нефтепроявлениях в других районах России. В 1745 г. Федор Прядунов получил разрешение начать добычу нефти со дна реки Ухты. Прядунов также построил примитивный нефтеперегонный завод и поставлял некоторые продукты в Москву и Санкт-Петербург.

Газовая промышленность начала развиваться чуть позже. В 1811 году Талантливый российский изобретатель Петр Соболевский создает и испытывает первую отечественную установку для получения искусственного газа – «термолампа». В 1819 году был зажжен первый уличный газовый фонарь на Аптекарском острове Санкт-Петербурга. А уже в 1868 году в России действовало 310 газовых заводов.

День работников нефтяной, газовой и топливной промышленности был возведен в ранг профессиональных праздников 1 сентября 1980 года, когда Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик издал Указ N 3018-X «О праздничных и памятных днях», который, в числе прочего, предписывал учредить в СССР «День работников нефтяной, газовой и топливной промышленности» и отмечать его в первое воскресенье сентября. 1 ноября 1988 года ВС СССР издал еще один Указ N 9724-XI «О внесении изменений в законодательство СССР о праздничных и памятных днях», однако внесенные изменения никак не коснулись данного праздника.

Начиная с 1981 года, профессиональный День работников нефтяной промышленности отмечался широко и повсеместно, на всей огромной советской территории. После сложных времен перестройки и последовавшего распада Союза, ситуация с празднованием изменилась.

Получив независимость и став отдельными государствами, многие бывшие союзные республики изменили название праздника, некоторые перенесли его на другое время, а где-то и совсем этот праздник отменили. Но есть и такие страны СНГ, где сохранили все самые лучшие традиции, оставшиеся со времен Советского Союза, поэтому вместе с Россией 6 сентября 2015 года свой профессиональный праздник отмечают нефтяники и газовики Беларуси, Армении и Кыргызстана.

Календарь событий

5 сентября
1931 года

Родился Федоров Дмитрий Леонидович. Директор департамента международных связей ВНИИ геологии и зарубежных стран Роскомнедр. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик РАЕН с 1991 года. Главный координатор Роскомнедр по вопросам американского сотрудничества. Почетный работник газовой промышленности, первооткрыватель месторождения. С 1990 по 1991 председатель Государственного комитета РСФСР по геологии и использованию минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов России.

17 сентября
1957 года

Образовано Федеральное государственное унитарное предприятие «Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья» (ФГУП «СНИИГГиМС») – базовое комплексное региональное предприятие по геологическому изучению и воспроизводству минеральных ресурсов в Сибирском регионе. Основные направления работ: комплексные региональные геолого-геофизические, картировочные и геологосъемочные работы всех видов и масштабов в Сибири. НИОКР, поисковые и поисково-оценочные работы на все виды

твердых полезных ископаемых и углеводородное сырье в Сибири. Глубинные геофизические исследования, все виды лабораторных анализов и технологических испытаний рудных проб, флюидов и нефтей. Информационное и библиотечное обслуживание в сфере геологии, минерально-сырьевой базы и знаний о Земле по регионам Сибири. Геолого-экономическое обоснование направлений и объемов прогнозно-поисковых и оценочных работ на твердые полезные ископаемые и углеводородное сырье. Создание и использование аппаратно-технологических комплексов и технических средств для проведения геофизических и навигационных работ, все виды издательских монографических и картографических работ. Является стабильно развивающимся научно-производственным предприятием в сфере геологоразведочных работ всех видов и стадий на территории Сибири, НИОКР в сфере наук о Земле, глубинных геофизических исследований, анализа состояния минерально-сырьевой базы и геологии по регионам Сибири; геолого-экономического обоснования направлений прогнозно-поисковых и оценочных работ на твердые полезные ископаемые и углеводородное сырье; создания и использования аппаратно-технологических комплексов и технических средств для проведения геофизических и навигационных работ.

9 сентября
1935 года

В городе Воронеже родился Гаврилов Виктор Петрович. В 1958 году окончил МНИ им. И.М. Губкина по специальности «Геология, поиски и разведка месторождений нефти и газа». Должность в РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина - зав. кафедрой геологии с 1992 г. Профессиональная деятельность: сотрудник геолого-поисковой конторы (1958-1959); в Университете им. И.М. Губкина старший научный сотрудник, ассистент, доцент (1959-1976), декан факультета геологии и геофизики нефти и газа (1979-1981, 1986-1991), проректор по научной работе (1991-1995). Преподавал в Алжире (1979-1981), оказывает научные консультации во Вьетнаме (с 1986) и Китае (с 2003). Кандидатская диссертация «Геотектоническое развитие Северного Устура и смежных территорий в связи с перспективами их нефтегазосности», МИНХИП им. И.М. Губкина (1964); докторская диссертация «Исследования связей нефтегазосных структур с региональными разломами эпипалеозойских плит СССР», МИНХИП им. И.М. Губкина (1973). Член Международной академии наук высшей школы (с 1995), Российской академии экологии (с 1995), РАЕН (с 1996), Международной академии геоэкологии (с 1998); председатель диссертационного совета (с 1988); член экспертного совета по наукам о Земле ВАК РФ (с 1998); председатель Московского правления НТО нефтяников и газовиков им. И.М. Губкина (с 1997). Член международной организации «Who is who's historical society», член редакции журнала «Геология нефти и газа». Автор более 350 научных работ, среди которых 30 монографий и учебников, в т.ч.: Общая и историческая геология и геология СССР: Учебник. М., 1989; Происхождение нефти: Монография. М., 1986; Учебники: Общая и региональная геотектоника. М., 1986; Геология и минеральные ресурсы Мирового океана. М., 1990; Геодинамика. М., 2007; Физика Земли. М., 2008. Читает лекции по дисциплинам: Геотектоника; Геодинамика; Физика Земли. Подготовил 27 кандидатов наук и был научным консультантом 4 докторских диссертаций. Заслуженный деятель науки РФ (1996). Награжден медалью «В память 850-летия Москвы» (1997), дипломом II степени общества «Знание», почетным дипломом «Автор научного открытия» (1995), знаком «300 лет горно-геологической службе России» (2001), почетный работник газовой промышленности (1995), трижды лауреат премии имени И.М. Губкина (1998), почетный работник ТЭК (2000), почетный работник высшей школы.

21 сентября
1871 года

В селе Поздняково, Муромского уезда в семье крестьянина-середняка, занимавшегося рыбным промыслом, родился Губкин Иван Михайлович. Учился в сельской приходской школе, Муромском уездном училище. Окончил Киржачскую учительскую семинарию (1890). Работал сельским учителем в Муромском уезде. В 1899 году окончил Петербургский учительский институт.

Работал преподавателем городского училища в Петербурге. В 1910 окончил Петербургский горный институт. Работал в Майкопском и Грозненском районах. В 1917–1918 гг. был в научной командировке в США. В 1918 по предложению В. И. Ленина вошел в состав Главного нефтяного комитета, а с 1919 г. являлся руководителем Главсланца. В 1920–1925 председатель Особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии. С 1920 профессор, а с 1922 ректор Московской горной академии. С 1930 ректор, заведующий кафедрой геологии и нефтяных месторождений Московского нефтяного института. Председатель Совета по изучению производительных сил АН СССР с 1930 по 1936 годы. С 1931 начальник Государственного геологоразведочного управления ВСНХ. В труде «Учение о нефти» (1932) разработал основы теории происхождения нефти, условия формирования её залежей и др. Обосновал возможность создания «Второго Баку». И. М. Губкин любил повторять: «Недра не подведут, если не подведут люди. 17 апреля 1930 году выдающимся ученым, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, академиком Иваном Михайловичем Губкиным на базе нефтяного факультета Московской горной академии был основан Московский нефтяной институт (Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина). За свою почти вековую историю Губкинский университет подготовил свыше 90 тысяч дипломированных специалистов, кандидатов и докторов наук. Университет по праву гордится своими выпускниками, работающими во всех ведущих нефтегазовых компаниях России и мира.

24 сентября
1935 года

Главой администрации Ханты-Мансийского автономного округа А.В. Филипенко было подписано распоряжение «О создании окружного геологического музея» с целью формирования представлений о богатствах недр автономного округа, сохранения и демонстрации уникальных образцов горных пород, минералов и других полезных ископаемых, а также высокохудожественных изделий из них. Первым директором музея, стал лауреат Ленинской премии, первооткрыватель ряда крупнейших месторождений, Леонид Николаевич Кабаев (1935-2012). Под его руководством началось проектирование и строительство здания музея. Создание музея неразрывно связано с выдающимся учёным, доктором геолого-минералогических наук, профессором Владимиром Ильичом Шпильманом. Его основополагающие идеи и концептуальные разработки

нашли свое реальное воплощение: 15 марта 2003 года музей принял первых посетителей, представив временные выставки. Открытие Музея геологии, нефти и газа было приурочено к знаменательному спортивному событию в Ханты-Мансийске – Чемпионату Мира по биатлону. Здание Музея геологии нефти и газа было построено в рекордно короткие сроки – за три года – при активной поддержке нефтяных компаний округа и является одной из достопримечательностей столицы нефтяного края. Оно напоминает огромную друзу кварца, символизирующую богатство и разнообразие природных недр региона вопреки общепринятому мнению о преимуществах углеводородных ресурсов. С 2003 года началось формирование музейного собрания, стал складываться его тематический состав. Сегодня музейный фонд насчитывает более 33 000 единиц хранения. Обширны и богаты коллекции музея. Уникально собрание кернов Берёзовской опорной скважины Р-1, открывшей сибирский газ в 1953 году. Большой интерес представляет коллекция кварца месторождений Додо и Пуйва Приполярного Урала – вес самого большого минерала достигает 300 килограммов. С момента основания в музее не было постоянной экспозиции. Плановые работы по её созданию в период 2007-2010 годов не были завершены. Музей был закрыт для посетителей. В 2012 году создан проект постоянной экспозиции музея «Энергия Югры», символом которой стала триада: геология, нефть и газ. Реализация этого масштабного проекта, построенного строго на научных принципах и современной психологии восприятия, будет весомым вкладом в культурную жизнь Югры.

28 сентября
1863 года

В селе Клепенино (Тверская область) в семье отставного полковника Афанасия Обручева родился Обручев Владимир Афанасьевич – русский геолог, палеонтолог, геоморфолог, географ, писатель-прозаик и фантаст. Получил начальное домашнее воспитание. Мать обучила его немецкому языку. Он свободно владел несколькими европейскими языками, что в дальнейшем выделяло его в научной среде так называемой «красной профессуры». Учился в Вильно в Городском училище. По его окончании в 1881 поступил в Императорский Петербургский горный институт. После окончания Института в 1886 получил предложение своего преподавателя геолога и географа И. Мушкетова принять участие в экспедиции в Центральную Азию. С 1929 года академик Академии наук СССР. Герой Социалистического труда с 1945 года. Лауреат двух Сталинских премий первой степени в 1941 и 1950 годах. Исследователь геологии Сибири и Центральной Азии. В своих экспедициях открыл несколько хребтов в горах Наньшань, хребты Даурский и Борщовочный, исследовал нагорье Бэйшань. В 1892–1894 гг. участвовал в четвёртой экспедиции Григория Потанина в качестве геолога. В 1890-х гг. занимался проектированием Закаспийской и Транссибирской железных дорог. Первый штатный геолог Сибири. В изучении геологии и геоморфологии считал себя преемником русского геолога, геоморфолога и палеонтолога, белорусского уроженца Яна Доминиковича Черского, которого знал лично. После Российской революции 1905 состоял в Конституционно-демократической партии, возглавляя её Томский комитет. С 1901 по 1912 преподавал в Томском технологическом институте и был первым деканом его Горного отделения С 1918 по 1919 – профессор Таврического университета в Симферополе. В 1921–1929 – профессор Московской горной академии. В 1930 году по его инициативе на базе Геологического музея Петра I основан Геологический институт. С 1930 – Председатель Комиссии по изучению вечной мерзлоты, с 1939 – Директор Института мерзлотоведения АН СССР. С 1942 по 1946 – академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР. С 1947 – Почётный президент Географического общества СССР. Владимир Афанасьевич вёл просветительскую работу среди молодёжи, в том числе, поддерживая контакты со школьными коллективами удалённых районов СССР. Так, например, известна его переписка с учителем-краеведом Н.М. Ревякиным создателем Ужирского краеведческого музея на Байкале Жил в Москве на Кузнецком мосту в Доходном доме Хомякова. Умер 19 июня 1956 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище

Каменная палитра

Китайский любимец

Жадеит относится к числу немногих восхитительных самоцветов, испытывающих в последнее время стремительный взлет всеобщего интереса. Между тем, он всегда являлся традиционным и высококочтимым камнем у народов Юго-Восточной Азии. Секрет же его обаяния очень прост и кроется в так любимой всеми пленительной ярко-зеленой окраске, удачно сочетающейся в изделиях с его высокой прочностью и долговечностью.

На протяжении нескольких тысячелетий жадеит и нефрит как сямские близнецы были неразрывно связаны между собой, считаясь одним минералом. А вся интрига в том, что они очень похожи визуально и к тому же оба характеризуются исключительной вязкостью. Очевидно, именно эта их особенность изначально и привлекла к себе внимание первобытного человека, искавшего для изготовления каменных орудий труда такое сырье, которому бы не было износа. Но поскольку нефрит более широко распространен в природе и обычно встречается в виде валунов и галек, напоминающих наш внутренний орган - почки, то отсюда и появились общие для этих камней названия - "нефрит" и "жад", обозначающие на разных европейских языках по сути одно и то же (почка, почечный камень). Только в 1863 г. французский минералог Август Демур доказал различие этих камней по составу (амфибол и пироксен) и предложил называть их соответственно "нефритом" и "жадеитом". Однако термин "жад" так прочно прижился в обращении, что до сих пор продолжает легально использоваться в геммологии и на рынке как обобщающий для целой группы внешне похожих на жадеит и нефрит камней: везувинита, гроссулярита, родингита, омфациита и т.д.

В минералогии жадеитом называется щелочной пироксен, а по составу - это натриевый алюминат. Но в природе в чистом виде он практически не встречается и обычно входит в сложный минеральный агрегат переменного состава, что является причиной непостоянства его декоративных свойств. Обычно такой агрегат имеет мелко- и тонкозернистое строение с очень плотным сцеплением кристаллов за счет их взаимного прорастания, что и придает жадеиту необыкновенную прочность. Блеск минерала стеклянный, слегка матовый. Твердость по шкале Мооса 6,5-7. Иногда он просвечивает и лишь исключительно редко, и то в мизерном объеме, бывает прозрачным. Цвет жадеита преимущественно белый, серый и зеленый разных оттенков и насыщенности, реже черный, голубой (до синего), розовый, фиолетовый, желтый, красный и бурый. На мировом рынке выделяется три сорта жадеита: "имперал" - дорогой ювелирный камень; "коммершал" - неоднородноокрашенное ювелирно-поделочное сырье и "угилити" - рядовой декоративно-поделочный камень. К этому необходимо добавить, что в коммерческих целях, для привлечения покупателей к камню с какой-либо необычной цветовой или иной особенностью, дилеры придумывают все новые и новые художественно-яркие образные термины. Так, внутри ювелирного жадеита в зависимости от цвета, его насыщенности и однородности ими выделяются такие видовые разновидности камня, как «изумрудный» (или «императорский»), «мох на снегу», «канареечный», «шпинатный», «зеленый горошек», «весенняя долина», «морская волна», «лавандовый», «пронизанный золотом» и другие.

Месторождения ювелирного и ювелирно-поделочного жадеита в мире очень редки и известны в Мьянме, Гватемале, России и Казахстане, а кроме того - в США, Японии и Мексике, но их сырье уступает по качеству первой четверке стран. Все объекты представляются мелкими жилами, линзами и телами неправильной формы жадеитового и альбит-жадеитового состава размером до 30х50 м в плане. Важное практическое зна-

чение также имеют валунно-галечниковые россыпи.

Мьянма (быв. Бирма). Знаменитые месторождения лучшего в мире жадеита расположены на севере страны в труднопроходимых джунглях. Месторождения были открыты в 1871 г. (скорее всего, повторно) и с тех пор интенсивно эксплуатируются открытым и подземным способами. Иностранцы аналитики указывают на многократное увеличение объемов добычи жадеита в стране за последние годы. При этом отмечается, что уровень контрабандной добычи и торговли жадеитом намного превышает государственный оборот камня. По официальным данным, в 2003 г. было добыто 11 тыс. т сырья.

Гватемала стала в конце прошлого века вторым по значимости (после Мьянмы) источником ювелирного жадеита. Запасы камня здесь очень велики. И это подтверждает тот факт, что запасы сырья только одной крупной добывающей компании оцениваются в 346 тыс. т. Окраска жадеита отличается большим разнообразием, в т.ч. есть камни с уникальной расцветкой - синие, розовые и желтые. В то же время жадеит яркого зеленого и сиреневого цвета встречается довольно редко.

Россия. В конце 80-х годов прошлого века были выявлены и оценены два месторождения жадеита, содержащие сырье ювелирного качества. Это Пусьерка в Тюменской области на Полярном Урале и Борусское (участки Кашкарак и Сохатинский) в Западном Саяне. Следует отметить, что на участке Кашкарак весь жадеит представлен поделочным камнем. Помимо этого известны еще два мелких объекта поделочного жадеита - Левый Кечпель в Республике Коми и Уривок в Краснодарском крае. Запасы жадеита-сырца по первым двум месторождениям на начало 2011 г. составляли соответственно 675 и 52500 тыс. т, в т.ч. ювелирного - 270,5 (содержание - 0,04 %) и 305 (0,001 %) кг. Как можно видеть, из них Борусское месторождение значительно выигрывает по общим запасам, но уступает по содержанию сортового камня ювелирного качества. Конкурентная борьба между владельцами этих объектов и желание как можно быстрее начать их освоение привели к тому, что жадеит на Пусьерке был нерадивым недропользователем безжалостно испорчен взрывным способом ведения работ. В то же время ЗАО "Хакасинтерсервис", технически грамотно ведя добычные работы на Борусском месторождении (участок Сохатинский), уже довольно серьезно заявило о себе на международном рынке, о чем наглядно говорят цифры стабильного роста в последние годы добычи жадеита и его экспорта. В 2009 г. ими было добыто 781 т жадеита-сырца, в т.ч. ювелирного сорта 7,8 кг.

Казахстан. Итмурундинское месторождение жадеита было открыто в Северном Прибалхашье в 1932 г., вместе с тем есть сведения о добыче этого камня на территории Казахстана уже 3,5-4 тыс. лет назад. Разведанные запасы жадеита-сырца по состоянию на начало 1991 г. составляли около 155 тыс. т, в т.ч. ювелирного - 1,14 т (0,0007%). В конце прошлого века добывать камень прекратили и карьер был затоплен.

В Юго-Восточной Азии камнем номер один после алмаза многие народы ставят жадеит, в связи с чем на данный регион приходится почти 80 % мирового объема его продаж. И Китай (включая Гонконг) является здесь неоспоримым лидером, хотя и не имеет собственной сырьевой базы. Статистика показывает - в начале нынешнего века по объему продаж камнесамоцветного сырья в стоимостном выражении жадеит занимает четвертую позицию после бриллиантов, изумрудов и рубинов. А известный ученый Р. Хьюз утверждает, что цены на ювелирный жадеит наивысшего качества уступают лишь самым редким бриллиантам. Как элитарный камень, ювелирный жадеит оправляется обычно в белое золото 750 пробы или в платину. Связано это в основном с тем,

что зеленый цвет лучше всего сочетается с белым. В связи с этим же дизайнеры модных ювелирных компаний обрамляют жадеитовые вставки бриллиантами, лишь иногда комбинируя их с рубинами и жемчугом.

По данным торгового дома Christie's, в течение последнего десятилетия на его аукционах ежегодно в десятке самых дорогих проданных драгоценностей неизменно были украшения из жадеита, а в 1999 г. их было даже 5! В их числе кольцо с кабшоном диаметром 15 мм из жадеита сорта "имперал", проданное за \$500 тыс., и уникальный браслет, вырезанный из цельного камня, за \$2,58 млн. В июне 2010 г. на аукционе в Гонконге бусы из жадеита "ушли" за \$7,3 млн. Но рекордная цена - \$9,8 млн. была заплачена там же в 1997 г. за ожерелье "Вдвойне удачливое", состоящее из 27 круглых жадеитовых бусин диаметром 15 мм и застежки с бриллиантами (покупатель - инкогнито из "Газпрома"). В 1985 г. на аукционе Sotheby's за \$1,76 млн. было продано жадеитовое яйцо работы К. Фаберже из коллекции русских императорских сокровищ. И что интересно - первый раз, в 1933 г., его реализовали всего за \$450. Пожалуй, это самый замечательный пример того, насколько выгодно вкладывать свои сбережения в камни.

Сведения о первых местах добычи жадеита в различных источниках информации очень отрывочны, запутаны и зачастую противоречивы. Достоверная история камня начинается складываться только с XVIII века. Вместе с тем археологами установлено, что первые жадеитовые орудия труда были изготовлены на территории Европы примерно 5-10 тысячелетий назад, в Латинской Америке - около 4-5, а в Восточной Азии человек познакомился с жадеитом еще позднее. С началом бронзового века в Европе о камне надолго забыли - до привоза его из открытой Колумбом Америки. А вот в других регионах сразу обратили внимание на его декоративные достоинства.

Жадеит длительное время был культовым камнем древних цивилизаций Центральной Америки, где из него вырезали фигурки богов, амулеты и ритуальные предметы. В Китае первые сообщения о жадеите датируются XIII веком. Был он тогда очень редким камнем, но в силу своей необыкновенной красоты и прочности считался священным и использовался в основном для изготовления печатей и символов императорской власти, в связи с чем и получил титул "императорский". Но по-настоящему высокая декоративность жадеита была раскрыта в Китае только в конце XVIII века с началом регулярных поставок материала из Бирмы, причем в значительных количествах и отличного качества. Китайские мастера, уже имевшие огромный опыт обработки нефрита, создали из жадеита множество великолепных изделий, достигнув при этом изумительного совершенства в его обработке и вознеся тем самым на недостижимую высоту китайское камнерезное искусство. Сочетание высочайшего качества работы, утонченной красоты и изысканности форм изделий с восточной экзотикой и таинственностью китайских символов и иероглифов заставляет будоражить наше воображение. Потому-то изделия даже современных мастеров привлекают к себе всеобщее внимание на аукционах и витринах ведущих музеев мира,

а также периодически пополняют собрания ювелирных украшений наших очаровательных модниц, причем, не только с азиатским разрезом глаз.

С незапамятных времен в Китае жадеит символизирует красоту и духовное совершенство, олицетворяя все человеческие добродетели. Недаром достоинства высокосортного камня описываются аналогично идеалу женщины. А эталон красоты по-китайски - это гладкая и нежная как шелк кожа с ровным теплым оттенком, словно просвечивающая, без родинок и каких-либо пятнышек. У камня также должны быть однородная окраска, просвечивание и отсутствие любых дефектов на поверхности, но в дополнение к этому он должен обладать еще и ярким цветом. В качестве примера необычайной приверженности и любви китайцев к жадеиту можно привести следующий факт. Последняя императрица Китая - Цыси, правившая страной с 1861 по 1908 годы, собрала такую обширную коллекцию жадеитовых украшений, резных вещей и статуэток Будды, изготовленных, естественно, из самого качественного и прекрасного материала, что для ее размещения требовалось 3000 коробок.

А в завершение рассказа хочу обратить внимание читателей на следующее - коллекционирование изделий из жадеита в западных странах в настоящее время становится новым модным веянием. Иметь дома не просто резные предметы из него, а эксклюзивные, и потому чрезвычайно дорогие, стало престижным - ведь по наличию у того или иного человека изделия с драгоценным жадеитом можно безошибочно сказать о его благосостоянии и положении в обществе, аналогично если бы это был шикарный автомобиль штучного производства или круизная яхта.

Евгений Ляшенко

Разговор у костра

Сеймчанские
ТИПЫ

Продолжение.

Начало в №№6-7(33-34) от 1 июля 2015г.

Каюры Валька Меркулов и Нетудыхатка

«Оп-ца, дри-ца-ца! А что он пляшет без конца. Да стырил денги у отца. Ца-ца-ца-ца!» - это на ягельной террасе руч. Малинового, правого притока рыбной реки Алы-Юрях, орёт и пляшет («Цыганочка» с выходом) наш каюр (конюх) Валька Меркулов. Он среднего роста, худощав и пропорционально сложен; блондин с весёлыми плутоватыми голубыми глазами и правильными чертами лица. Говорит, что из Москвы (или из области?). Замашки у него приклатнённые совершенно по-киношному. В кино увидишь, скажешь, - этот актёр переигрывает. Валька не первый год в поле, а зимой или бичует, или устраивается на работу в стационарные партии. Выдумщик, симулянт и врун. Новичкам обязательно расскажет, что он один из сыновей знаменитого генерала сталинских времён Меркулова. С лошадьми Валька обращаться умеет и любит их. Они отвечают ему взаимностью. Но он совсем не образцовый каюр, потому что всё делает шалаяй-валяй. Так же он и готовит пищу: то пересолит кашу, то не досолит, то она у него подгорит, то не доварится. Зато всё время балагурит, разговаривает сам с собой (по принципу, - приятно поговорить с умным человеком) и очень неприхотлив. Валька любит петь и набит всякими частушками, большинство из которых скабрёзного содержания и с непечатными словами.

В прошлом он - карманник, щипач, но не асс своего ремесла и труслив. На зоне, вероятно, всегда был «шестёркой», прислуживая настоящим ворами. Как-

то раз, когда мы пришли из маршрутного «захода» на базу, геологини пожаловались, что у них из бокового кармана палатки над нарами пропал «Тройной одеколон», попросили провести расследование. Этот одеколон у бичей был известен под названием «Коньяк с резьбой» - ведь он на спирту, крепость 60° и закручивался крышечкой с резьбой. Я подошёл к женской палатке и увидел, что брезент в районе кармана с тыльной его стороны очень аккуратно и тонко разрезан бритвой крестом, а потом, тоже очень аккуратно, склеен лейкопластырем, который покрашен травой. Ясно, чья работа. Встретив Вальку, я сказал: «Квалификацию решил не терять?» - «Да ну, начальник. Чего они так вещицы-то свои кладут. Ты скажи, чтоб больше не соблазняли. Не устою».

В конце сезона надо было перегонять лошадей от нашей базы до прииска Глу-

хариного. Расстояние не очень большое - примерно 120км. Главное было выйти на зимник, а затем без проблем топтать по нему до прииска. До зимника - километров 30. Можно, конечно, поначалу и за день одолеть. Но дорога здесь наиболее сложная, тайга со старыми гарями и участками густым мелколесьем, которое чередуется с заболоченными марями. Кроме того, нужно перевалить из одной речной системы в другую, ориентируясь почти исключительно по компасу. Рельеф преимущественно сглаженный, холмисто-увалистый до низкогогорного плосковершинного. Сюда по другой дороге от р. Колымы лошадей перегоняли два каюра под началом моего друга Олега, с которым мы на базе жили в одной палатке. Я спросил его, как насчёт перегона осенью. «Скажешь - пойду, хотя особого желания нет,» - ответил Олег.

В партии было две геологини, обе бывалые полевики. Одна из них, Люда, дочь боевого полковника, с детства помешана на собаках (исключительно немецких овчарках) и лошадях. Она хорошо ездила верхом, могла взнуздать и даже завьючить лошадь. Я предложил ей перегнать лошадей, она согласилась. В первой декаде сентября погода стояла замечательная - бабье лето, тепло, небо безоблачное.

У нас, помимо Вальки, был ещё каюр по фамилии Нетудыхатка, родом, естественно, из Украины. В отличие от Вальки, это был весьма мрачный и здоровенный мужик, очень молчаливый, тоже с какой-то судимостью. Наверно, бытовуха, - какая-нибудь драка и, может быть, с поножовщиной. Не в пример остальным рабочим, к геологам он обращался исключительно на «Вы», хотя этого никто и не требовал, а женщин как-то сторонился и старался на них не смотреть при разговоре. Они же на него нередко поглядывали с интересом, особенно когда он, голый по поясу, завьючивал лошадей, поигрывая мускулистыми бицепсами. В такие моменты его фигура напоминала тело рабочего известной соцреалистической скульптуры «Бульжник - орудие пролетариата». В целом, он неплохо справлялся со своей работой. Мог, в отличие от Вальки, более-менее ориентироваться на местности, но был невозможно упрямым. Вот пример: как-то во второй половине сезона, когда комары и мошка уже не так досаждали, нужно было на лошадях перебросить наш скарб с одного из полевых лагерей на новое место. Задача была не из

трудных. Обычно, если переход был сложным, кто-нибудь из ИТР шёл с караваном. Я нарисовал каюрам на клочке бумаги страны света, верховья нашего ручья и возвышенность, на которую нужно было подняться и затем спуститься в соседний ручей, после чего пройти вниз по нему около 4км. Светило солнце, так что было ясно, какого направления примерно придерживаться. Мы помогли завьючить лошадей и отправились в маршрут. Все наши четыре маршрутные пары пришли к месту планируемой стоянки довольно рано - маршруты были несложные. Но лагеря не было. Мы кричали, стреляли и т.д. Безрезультатно. Не паниковали - такое периодически случалось (правда, в этом году - впервые). Пришлось заночевать под открытым небом на речной косе, сделал «пожог», а затем остатки углей разгresti, застелить ветками кедрового стланика и засыпать песком. Утром опять никто не появился. Организовали поиски на полдня - безрезультатно. Тогда Олег и я отправились на базу и вызвали по радиации вертолёт. На наше удивление, он появился на следующий день. К этому времени мы, рассмотрев разные варианты, уже поняли, где надо искать пропавших. Караван мы нашли быстро, хотя и довольно далеко от места планируемого лагеря. Все были в целости и сохранности. А произошло вот что. Когда каюры поднялись на вершину очень плоской и сильно залесённой сопки, солнце скрылось в облаках. Они потеряли ориентировку, развернулись и спустились в долину того же ручья, из которого стартовали, но на несколько километров ниже по течению. Затем отправились вниз по ручью и дошли до его впадения в более крупный водоток. Совсем запутались, тем более, что тёк он не в том направлении, которое они ожидали. Солнце выглянуло, но это им уже не помогло и т.д.

Мы с Олегом прыгнули с вертолёта и отправились с караваном к искомой стоянке. Каюров не ругали - всякое случается. Наоборот, мы были очень рады, что так быстро их нашли и с караваном ничего не случилось. Зато реакция Нетудыхатки (кажется, звали его Алексеем?) была такова: «Всё врут Ваши карты!».

Но продолжим рассказ о предстоящем перегоне. Вальке было всё равно с кем и куда идти, а Нетудыхатка отказался наотрез, как я его ни уговаривал: - «С бабой не

пойду». Я попросил его подумать - тот же результат. Тогда я, не горячась, сказал, что если он не пойдёт, то с этого дня я его уволю за отказ от работы. Тут Нетудыхатка даже перешёл на «ты»: «Если ты меня уволишь, я уйду с базы». То есть этим он хотел сказать, что доберётся до Колымы (100110км по прямой; по гидросети гораздо больше, но можно сделать плот и сплавиться, хотя вода была низкая), потом на берегу будет ждать какое-нибудь плавсредство, чтобы добраться до Сеймчана, - это уже вверх по Колыме. Я сказал, что не отпускаю его, дал почитать соответствующие инструкции по ТБ и попросил расписаться в книге инструктажа по ТБ, а также написать объяснительную. Конечно, это был очень коварный шаг с моей стороны. Для бедного Нетудыхатки написать что-нибудь было непосильной задачей (гораздо легче было, например, выкопать шурф глубиной метров восемь), но он, стиснув зубы, принялся за дело. Через несколько часов кропотливой работы на грязном листочке было написано (текст привожу по памяти и до сих пор очень жалею, что не сохранил оригинал; орфография, за исключением написания фамилий, не сохранена):

«Начальнику Караге от Нетудыхатки

Заявление

Он Карага запрещает мне уйти с базы но я всё равно уйду

Нетудыхатка».

Утром то ли 10, то ли 11 сентября Люда и Валька завьючили двух лошадей сумами с едой на неделю, двумя мешками овса, спальными мешками и палаткой; привязали их и ещё двух незагруженных лошадей к своим ездовым и отправились в путь. Сзади бежала здоровенная бестолковая, но зато с очень хорошей родословной овчарка Эльса. Погода стояла замечательная. До верховьев нашего базового ручья и затем до перевала в следующий ручей можно было ехать верхом - дорога позволяла.

Я был уверен, что Нетудыхатка остынет и никуда не денется, но ошибся. Как потом выяснилось, он этим же утром, как только рассвело, с рюкзаком, в котором был его нехитрый скарб и две буханки хлеба, ушёл с базы вниз по реке. Оружия у него не было,

Разговор у костра

за исключением здорового самодельного тесака. Хватились мы его только днём, поскольку жил он в маленькой палатке один, несколько в стороне от остальных, и время у него было своё: ночью иногда шараялся по лагерю, а днём – спал.

Теперь следует сказать про связь с цивилизованным миром. На базе у нас была крупногабаритная военная рация Р-104 с множеством батарей, которые очень быстро разряжались. С трудом удавалось связываться с Глухариним и реже Сеймчаном, когда напрямую, когда через другие полевые партии. Подчас связь отсутствовала. Когда мы уходили в маршруты, связи не было, поскольку портативные «Караты» были здесь бесполезны. Узнав об уходе Нетудыхатки, я послал об этом и о выходе нашего конного отряда на Глухариний РД с просьбой выслать вертолёт для поиска ушедшего рабочего и завоза нам продуктов, которых оставалось в обрез. Связь была. Пообещали, но не сразу. И как всегда бывает, когда пойдёт полоса непряжи, через два дня замечательной погоды в ночь на третий день погода резко изменилась, и пошёл снег. Началось какое-то светопреставление. Дул ветер, тайга шумела. Буквально за день снега навалило «по колено», и он не таял. Такого в это время года здесь не бывало. Этот снег не растаял и потом, а дней через пять температура упала более значительно и наш ручей замёрз.

Дальнейшее развитие событий было таково. Вертолёт так и не прилетел. Батареи к радиации окончательно разрядились, и связи не было. Лишь однажды в первые дни непогоды нам удалось услышать по радиации о том, что вертолёт летит в один из посёлков за коврами, которые там откуда-то появились.

Нетудыхатка, слава богу, вернулся дня через четыре сильно исхудавший и старающийся не попадаться нам на глаза. Известий о караване, отправившемся на Глухариний, мы не имели. У нас кончались продукты – чая не было совсем, зато было навалом сахара и немного муки, а из консервов только «Навага в томате», из которой готовили жиденький супчик с клёцками и остатками других круп. Между тем ночи становились всё холоднее. Как назло, вся живность пропала, да и в лучшие-то времена было её здесь не очень много. База располагалась в верховьях безрыбного ручья; до реки с рыбой было более 20 км. Мы с Олегом для пропитания стреляли из мелкокалиберных винтовок кукуш, кедровок и иногда белок. Вместо чая заваривали чагу, брусничник и прочее, что никак не являлось его заменой.

Ещё мы пробовали различными способами сделать съедобным корм для лошадей – нелущёный овёс, мешок которого остался у нас на базе. Наши усилия не увенчались успехом.

Настоящим зимним утром 18 октября Олег и я пошли на реку Токур-Юрях, где Олег при сплаве оставил на косе небольшой лабаз с продуктами. По дороге убили глухаря. Переночевали около лабаза, завернувшись в брезент. Ночью было северное сияние. Утром отправились обратно и, когда до базы оставалось километров пять, увидели вертолёт, который уже поднимался из района нашей базы. 20 октября мы были в Сеймчане. Здесь и узнали о лошадях.

Поход до Глухариного вместо 4-5 планируемых дней продлился почти три недели. На прииск Люда и Валька с одной оставшейся лошадью и Эльсой пришли только 1 октября. Снега на перевалах намело столько, что лошади не могли идти, «копытить» траву было невозможно. Взятый овёс и ячмень быстро кончился. По-видимому, путники ещё и плутали, потому что Валька рассказывал о каких-то заснеженных безлесных гольцах, которые они проходили. Судя по карте, такие вершины были только севернее их пути, а им нужно было, перевалив в другую гидросистему, двигаться на юг. Лошади падали и не хотели идти дальше. Около павших на ближайших деревьях вешали сёдла. Натерпелись. Особенно Люда, любившая лошадей больше двуногих (что, может быть, отчасти и правильно), а также переживавшая больше всего за свою Эльсу. По словам Вальки, последнюю банку тушёной говядины она отдала собаке.

Теперь о Нетудыхатке. Я был очень удивлён, когда в Сеймчане он зашёл ко мне и сказал, что зла не держит и во многом виноват сам. Он собрался лететь на материк. Больше я его не видел. С разбитным Валькой нас судьба сводила ещё не раз.

P.S. У меня, естественно, были неприятные разговоры с начальством; временно перевели на полставки (кажется, на полгода) – была тогда такая мера воздействия на провинившихся. Лошадей списали. А оставшийся в живых мерин Яшка, взятый в поле не на местной конбазе, а в школе, был отведён в родное стойло и зимой, весь обросший шерстью, днём возил продукты для школьников, а вечером жевал сено либо овёс, вспоминая временами осенние приключения. С ним мы ещё раз повстречались через три года и совершили длинный (около 200 км) и очень тяжёлый переход от пос. Омолон до базы в верховьях р. Пенжины во

время таянья снегов и разлива рек. В горах Ушэракчана (Чукотка), на снежнике крутого склона, он сорвался и «прокувыркался» вместе с вьюками метров 20 по вертикали, но всё кончилось благополучно – пробил копытами снег и остановился. Ещё бы метров 5, и наш Яшка не увидел бы больше родное стойло в школе, поскольку летел бы ещё метров 15, но уже в свободном падении, на острые скалы, которые торчали внизу среди бушующей воды. Прушник был этот Яшка. И это здорово, что такие есть.

Ну и в конце о том, что мир тесен. Года через три после описанных событий кто-то принёс мне статью из «Магаданской правды». В ней шла речь об экспедиции из Ленинграда под руководством Захаренко в начале 30-ых годов XX века. Места как раз почти те, где был мой двухсоттысячный лист и Люда с Валькой перегоняли лошадей, когда их застала непогода. Большая часть экспедиции, ведомая Захаренко, заблудилась и люди погибли. Зима в тот год наступила исключительно рано. Вторая, меньшая группа под руководством Фёдора Фёдоровича Ильина пошла в другом направлении, добралась до Колымы, где их подобрала какая-то баржа. Именем Захаренко потом была названа красивая и высокая горная гряда в верхнем течении р. Омолона, где я работал позднее. Почему эту гряду назвали так, не знаю; Захаренко на ней никогда не бывал, и пропал он совсем не в этих местах.

Фамилия Ильин мне тогда не запомнилась, но когда я стал работать в Арктической экспедиции Севморгео и затем НИИГА-ВНИ-Иокеангеологии, как-то раз в разговоре со своим близким другом-геологом я вспомнил про историю с Захаренко и о том, что другая группа благополучно вернулась. «Так этой второй группой руководил мой отец», – улыбаясь в усы, сказал мой друг Володя (Владимир Фёдорович) Ильин. Старожилы нашего института помнят и с большой теплотой отзываются о Фёдоре Фёдоровиче, а в одном из памятных сборников института есть воспоминания об этом замечательном человеке.

Чомбе

Я, кажется, никогда и не знал настоящего имени и фамилии этого шурфовщика. Правда, и знаком с ним был плохо. Так, кивали друг другу; тем более, что в посёлке он появлялся периодически, приезжая из стационарной геологоразведочной партии. Был он очень здоров, с мощным плечевым поясом, широкой грудью и здоровенными ручищами. Лицо имел исключительно то-

порное, расширявшееся от лба к подбородку, за что и получил прозвище, которым он, кажется, даже гордился. В те годы на слуху у всех были два африканских диктатора – Чомбе и Мобуту.

О нашем Чомбе ходило много разных легенд, нередко весьма фантастических. Он, вероятно, знал об этом и старался поддерживать свою репутацию всякими экзотическими выходками, как это, например, делают темнокожие боксёры-тяжеловесы перед началом поединка, подпрыгивая, ударяя себя в грудь обоими кулаками и крича «I am the Best!». Правда, надо сказать, шурфовщиком он был отменным. Это, конечно, очень тяжёлая работа. Инструмент – лом, кайло, укороченная и обрубленная под себя подборочная лопата и лист железа. Задают шурфовочные линии поперёк речной долины, и проходят шурфы, когда холодно, чтобы грунт, а это рыхлый аллювий, был смёрзшимся и не нуждался в креплении. Глубина шурфов – от первых до 20 м (в прежние времена). Шурф глубже уже называется шахтой. Если на забое сечение его метр на метр и таковым должно оставаться на глубине, то, на самом деле, у проходчика-асса оно внизу таково, что ступням тесно (это, конечно, фигурально выражаясь). Проходят шурфы двумя способами – «на пожог», раскладывая костёр, и «на взрыв» с аммонитом и т.д.

Но здесь речь пойдёт не о горных работах. Эта история, которая стала одной из легенд о Чомбе. В один из морозных четвергов декабря (банный день геологов) мы, возвращаясь домой, решили заглянуть в ресторан. В зале было холодно и малоллюдно. Сделав заказ, огляделись. Было занято ещё три столика. За двумя сидели какие-то незнакомые личности (позднее выяснилось – старатели), а за третьим столом – экспедиционные шурфовщики. И те, и другие уже под некоторым градусом. Судя по жестам, старатели «заходили» наших. По-видимому, они о чём-то поспорили.

Далее события развивались так. Старателям принесли бутылку «Зубровки». Они открыли её и дали Чомбе. Тот снял ботинки, стал одной ногой на стул, другую ногу согнул в колене. Затем круговыми движениями своей лапищи «разболтал» содержимое бутылки, закрыв глаза, закинул голову назад и, подняв бутылку над головой, струёй вылил её содержимое в свою пасть. Потом с удивительной для его комплекции лёгкостью спрыгнул на пол и раскланялся налево и направо. Ему аплодировали все. Старатели передали пачку денег со своего

Разговор у костра

стола шурфовщикам. Ура, наши выиграла! Чомбе улыбался и, налив полный фужер водки, опрокинул в себя; затем почти сразу ещё. Явно работал на публику. Прошло ещё минут пять. И вдруг Чомбе дёрнулся, а затем, как подстреленный, упал на пол. Вскоре приехала скорая и увезла его.

Дня через два Чомбе, как ни в чём не бывало, со своими друзьями грузил возле экспедиции машину, чтобы ехать в аэропорт, из которого АН-2 должен был доставить его после короткого отдыха на базу стационарной партии.

Студент Пахомов

Студент Пахомов из Владивостока, проходивший у нас преддипломную практику, был, как и положено студенту, длинный, тощий и мосластый. Это был растущий организм, который постоянно требовал, чтобы для жизнедеятельности в его утробу подбрасывали топливо в виде пищи. Он не успевал закончить еду, как уже опять хотел есть. Как говорил, наш завхоз Саша Пожарский (см. выше): «Володя серьёзно болен – у него яма желудка». Особенно это было заметно на базе, где, хотя все и обжирались, но всё же соблюдали интервалы завтрак-обед-ужин. Володя же буквально через десять-пятнадцать минут после еды опять появлялся на кухне. При виде Саши он, отводя глаза, невинно вопрошал: «Попить можно?». Саша, забавляясь, отвечивал: «Конечно. Бери кружку – вон ручей». – «А чай есть?». – «Вон в чайнике». – «А сахар и хлеб с маслом?» – смелел студент. Саша хохотал.

У Пахомова был первый разряд по бегу на средние дистанции. Чтобы держать себя в форме, когда позволяла местность (около стоянок наличествовали более-менее ровные ягельные террасы и отсутствовала кочка) он, молодец, вставал пораньше и бегал с полчаса, пока лагерь не просыпался, чем, конечно, отличался от традиционного типажа студента, который-то и в маршруте спит на ходу, а уж утром его поднять....

Как-то раз, когда мы стояли в верховьях руч. Разведчик, всех разбудил крик. Он был очень странный, прерывистый. Описать его трудно: сначала какой-то горловой, затем резко обрывающийся, а после этого повторяющийся опять таким же образом. Мы все повыскакивали из спальных мешков, похватили кто карабин, кто ружьё, кто молоток, кто топор и т.д. и ринулись вверх по ручью, туда, откуда слышался крик. Все одновременно решили, что нашего Володю поедает медведь, а тот, находясь в его лапах, умудряется ещё и кричать. Кстати, здесь в верховьях незалежённых ручьёв с чистой водой, ветерком, отгоняющим комаров, и в изобилии созревшей голубикой их местами

было немало.

За поворотом ручья мы увидели, наконец, быстро и правильно-красиво бегущего студента, который продолжал кричать, не видя нас. Остановились. Когда Володя подбежал к нам, начальник поинтересовался: «Ты чего это орёшь спозаранку?». – «За мной бежала медведица с медвежатами». – «А чего так-то...странно,»- начальник не мог подобрать слова. – «Так я на выдохе, чтоб не сбивать дыхания на бегу». – «Ладно. Что-то за тобой никого не видно». – «Так я потом и не оглядывался».

На шее Володя носил на грязном шнурочке ладанку из кожзаменителя, прошитого по периметру очень грубыми стежками. В плане она имела форму неправильной окружности с рваными краями. Что было в ней, неизвестно (может быть, локон любимой легкоатлетки, а, может быть, бабушкина молитва от глаза). Володя был из тех редких студентов, которые чего-то пишут. Наверно, дневник. Когда я где-нибудь на вершине, продуваемой ветром, садился записывать свои полевые наблюдения, Володя, быстро промаркировав образцы, доставал заветную книжечку и принимался делать записи, изредка поглядывая на меня.

Лет через двадцать, в 1990 году я приехал в Магадан на тектоническое совещание. Помимо всем известной, ещё дальстроевской гостиницы с одноименным городом названием прямо около автобусной станции на углу Пролетарской и ул. Ленина чуть далее по Пролетарской появился её второй современный корпус. В нём меня встретил плотный, начинающий жиреть бородастый мужчина. Он широко улыбался: «Не узнаёшь?». Зрительная память у меня неплохая, но лицо и фигура были совершенно не знакомы. – «Я – Володя Пахомов, был в 1969 году на практике у Дылевского». Он протянул мне визитную карточку – главный геолог Верхне-Колымской экспедиции в Усть-Омчуге. Редко люди столь разительно меняют свою внешность.

Володя стал известным золотарём. Успел, что тогда ещё было редкостью, съездить на Аляску. Прошло ещё несколько лет, и один из моих магаданских знакомых, приехавший в командировку во ВСЕГЕИ, сообщил мне, что Пахомов работает уже не первый год на Аляске в одной из золоторудных компаний.

Сеймчанские страшилки.

Люда, Мургаб и Лазарь

Люда, родом из Орла, была маленькая, но стройная, спортивная и подвижная. Её отец, полковник, дошёл до Берлина. Кто что вёз из поверженной Германии, а он – щенков из псарен самого Фюрера. Его страсть – собаки и лошади – стали и страстью дочери. Особенно самозабвенно она любила немецких (именно немецких) овчарок. Пра-пра-пра... внука гитлеровских овчарок, Мургаба, Люда, после окончания Воронеж-

ского университета, привезла в Магадан. Там её в аэропорту, сидевшую на скамейке рядом с огромной собакой, заметил главный геолог геолого-поискового отдела нашей экспедиции Кирилл Симаков и привёз в Сеймчан. Если Люда весила не более 50 кг, то Мургаб – все 70. У немецких овчарок, как правило, не очень-то с головой, а у Мургаба, как настоящей породистой собаки, вообще была одна извилина, но зато в ней многими поколениями на генном уровне было записано: хрипло лаять, кусать, рвать и т.д. Возможно, на даче, среди своих, он и был «душка», но, вырванный из родной среды и оказавшийся в неведомом крае, совсем сбился с катушек. На дворе стояла зима, и до поля было ещё далеко.

Временами Люда позволяла себе слегка расслабляться, немного приняв крепких напитков. Один раз, придя вечером с какого-то дня рождения и чувствуя вину, поскольку оставила любимого Мургаба одного, привязанного к батарее отопления, она наклонилась к нему и стала гладить. Пёс отреагировал молниеносно – нижняя губа Люды стала короче, а кровь хлестала рекой. Прибежали девушки из соседней комнаты, кое-как остановили кровь и поволокли её к дежурному врачу в поликлинику. Час уже был поздний. Дежурил здоровенный бурят Лазарь. Он был стоматологом. Геологов уважал, мы играли с ним волейбол – у него был когда-то хороший первый разряд. Был, между прочим, и прекрасным зубодёром. Своим он рвал зубы так. Если они были согласны без наркоза, то наливал треть стакана медицинского спирта себе и треть больному. Ещё миг – и больной зуб в плевательнице.

Спокойный и наблюдательный Лазарь обратил внимание, что отторженная часть нижней губы спокойно так себе лежит на воротнике Людиного исландского свитера. У Лазаря были золотые руки – и губа вскоре оказалась на месте. Просто удивительно, но когда прошло недели три или месяц, Люда стала выглядеть даже лучше, чем раньше. Шрамик-то, конечно, остался, но придавал лицу определённый шарм.

Как-то, года через два после описанных событий, Первомайский праздник выдался для колымских мест неправдоподобно тёплым; прямо-таки жарким, хотя на вершинах за Колымой повсюду ещё лежали снега. Оказавшись во второй половине дня на почти пустынной улице, я встретил двух своих коллег из экспедиции. Один из них, почти (может быть, даже и без «почти») совершенно трезвый, сопровождал другого, уже весьма нетрезвого. Рубашка последнего была сильно разорвана, испачкана грязью и измазана кровью. Потребовалась моя помощь в качестве второго провожатого до ближайшего дома, где жила семья наших геологов. А произошло вот что. Крепыш

Витя П, уже серьёзно нагрузившись, перемещаясь из одной компании в другую, вышел из здания «Полярки» на улицу покурить на солнышке. Привязанный неподалёку Мургаб поддал голос и бросился в сторону Вити, но не достал его. Витя, давно ненавидевший Мургаба, схватил подвернувшийся металлический прут и пошёл в атаку, но запнулся и упал, замахаясь на пса. В следующую секунду Мургаб уже вонзил свой клык в Витину грудь. К счастью, рядом оказался Володя – муж владелицы собаки, чуть ли не единственный человек, которого Мургаб более-менее слушал.

Когда мы оказались в доме и с трудом уложили Витю на кровать, сняв с него рубашку, чтобы обработать рану посередине его грудной клетки, то увидели, что она имеет форму почти правильной окружности поперечником до 0.7см и глубиной 1.5-2см. В ране стояла (именно стояла!) кровь какого-то красновато-синего с фиолетовым оттенком цвета. Выглядело это ужасающе. Так, что жена хозяина, в дом которого был доставлен Витя, сразу стала заламывать руки и причитать. Находившийся среди нас более старший (лет на десять и более) и опытный товарищ отсосал кровь, обработал её спиртом и йодом, заклеил пластырем, предварительно влив четверть стакана спирта в рот Вити. Я в это время с трудом удерживал пострадавшего. На Вите всё зажило, как на собаке, – быстро и без всяких загноений.

В поле с такой собакой, сами понимаете, – сплошные проблемы. Один раз Мургаба в поле взял с собой Людин муж – невольный, прошедший послевоенное детство в детдоме топограф Володя. Пса решили оставить на базе участка с завхозом, который кормил его, подавая миску на лопате. Из всех Мургаб более-менее слушал Володю. Но однажды, когда привязанный Мургаб бросился на него и тот едва успел отскочить, Володя неспешно пошёл к палатке. Вышел он оттуда с карабином, и Мургаба не стало. Люде была потом подана версия о схватке собаки с громадным медведем.

Поехав осенью в отпуск, Люда возвратилась не одна, а с Эльсой – большой красивой и очень глупой, но зато доброй немецкой овчаркой. Например, как-то ранним летом Эльса бросилась на ехавшего велосипедиста и сбила его на землю ударом своей мощной груди. Когда перепуганный велосипедист лежал на земле, ожидая, когда страшные зубы сомкнутся на его шее, Эльса ласково облила его лицо своим шершавым языком.

Полпалеца и Долли

Стас приехал в Сеймчан после окончания Киевского техникума и службы в рядах Советской Армии. Он был родом из Бердичева – одного из центров дореволюционной черты оседлости, где мирно уживались украинцы,

Разговор у костра

русские, евреи, поляки, молдаване и другие национальности. Стас Станиславский был настоящим поляком – подвижным, красивым и очень остроумным. Когда Стас был в ударе, все хохотали до колик в животе. Однако если кто-нибудь задевал Стаса или начинал его разыгрывать, он моментально терял чувство юмора, что нередко случается с остроумными людьми, которые любят смеяться над другими, но не любят, когда смеются над ними. Своими рассказами о бердичевских жителях Стас вполне мог бы конкурировать со Жванецким. (Например, про соседку тётю Софу, которая говорила о своём маленьком внуке: «Он такой умный мальчик. Сам лезет на шкаф, включает где какие есть телевизоры» и т.д.).

Стас временами несколько злоупотреблял крепкими напитками, и тогда уж юмор бил из него ключом. Любил в этом состоянии петь, тем более, что был обладателем приятного баритона. Нередко пел, идя по улице. Его любимой была песня «Орлята» («Ничем орлят не испугать. Орлята учатся летать»). Как-то мы шли из бани мимо столовой и магазина, где обычно толкались бичи. Одна дама из их племени с подбитым глазом громко «щепнула» своему кавалеру-собутельнику: «Вон орлёнок пошел».

У Стаса был роман с молодой особой из администрации. Роман этот то ослабевал, то вспыхивал с новой силой. Как-то раз, когда уже всё шло к свадьбе, они опять поссорились. Стоял унылый серый зимний день. Стас с горя напился в обеденный перерыв, что бывало редко. Я, поев в столовой, зачем-то решил зайти в здание «Полярки», где тогда жили молодые специалисты. В боковом аппендиксе коридора была открыта дверь. Там находилось своеобразная передняя – нежилое помещение, где был шкаф для полушубков, турник и т.д., а также находился чурбан, на котором подчас рубили замороженное мясо, привезённое из поля и хранившееся в сарае. Из передней можно было попасть в две разные комнаты. В полутьме мне показалось, что на чурбане была кровь. Я вошёл в комнату, где жили Стас и Витя. Стас в одежде лежал на кровати, глаза его были закрыты, он громко и тяжело дышал. У него на лбу выступили крупные (клянусь, я ни до, ни после не видел таких крупных) капли пота, а левая рука была

толсто замотана марлевым бинтом, концы которого как раз связывал Витя.

Он рассказал, что когда несколько минут назад пил чай, появился Стас и стал ныть, что всему конец и т.д., а потом заявил, что чего-нибудь с собой сделает. «Ну и сделай, чего ты разнюнился» - сказал Витя. «Я себе руку отрублю», - это уже Стас. «Ну и руби, если поможет», - спокойно молвил Витя, прихлёбывая чай. Стас вышел в прихожую, хлопнув дверью. В следующий момент Витя услышал удар топора и выскочил из комнаты. Кровища, топор на полу, перепуганный, в полуобморочном состоянии Стас.

Тут мы с Витей вспомнили, как Лазарь пришёл нижней губу Люде, и решили найти отрубленную часть. Но её нигде не было. «А где же Долли» - полувопросительно сказал Витя. Долли – его собака. Это была очень красивая девочка - и стройная, и окрас замечательный, и очень выносливая, и умненькая. Одним словом – совершенство. В её жилах, помимо крови собак северной породы (так я их называю; в основном – восточно-сибирских лаек) текла и кровь Мургаба. Он был её дедушкой. Надо сказать, что, несмотря на всё то нелестное, что я про него писал выше, он существенно изменил породу местных собак; по крайней мере, в отношении величины и силы. Долли сумела взять всё лучшее от своих родителей и от деда по материнской линии. К тому же её хозяином был Витя - из тех, про кого говорят: «Строгий, но справедливый». Уже с трёх месяцев он в морозы таскал её с собой на сопку, спускаясь затем с горы на слаломных лыжах. Месяцев с пяти-шести стал запрягать в самодельные деревянные нарты с металлическими подрезами и т.д. Кормил Витя её правильно – хорошо, но чтобы не переела и почти всегда была полуголодной. Обычно Долли жила в будке на улице, но в этот день по какой-то уважительной причине на некоторое время была приглашена в переднюю. Поэтому поискав немного и не найдя то, что искали, мы посмотрели на Долли, потом друг на друга и дружно засмеялись. Нам стало ясно, где эти полпальца.

P.S. У Стаса всё прошло без осложнений. Месяц спустя он рассказал нам, что мало чего

сообразал в тот момент, когда положил на чурбан кисть, то что-то всё же сработало в голове, и вместо кисти под топор был поставлен палец. Ну, а если точнее, то ровно половина указательного пальца.

По прошествии некоторого времени одной из его любимых шуток стала такая. Когда было какое-нибудь застолье и появлялись новые лица, Стас изображал задумчивого выпившего чудака, засовывая себе в нос полпальца. При этом он делал это не навязчиво и, не глядя на нового человека, но как-то так, что тот сам обращал на это внимание и был в совершенном шоке – как же можно так глубоко засунуть палец в нос?! Свадьбу к этому времени уже давно сыграли.

Враг промедлений, сокрушитель препятствий

Витя П. был моим сокурсником по специальности ГСПС («Геологическая съёмка и поиски месторождений полезных ископаемых»). Собственно, по его зову я после армии и оказался в пос. Сеймчан, хотя изначально рвался на Чукотку; но не срослось.

Витя был коренной ленинградец-петербуржец; портрет его деда, горного инженера, висел (и, конечно, сейчас висит в деканатском, как его раньше называли, коридоре Горного института). Витя был очень необычен в своих поступках и сразу же обращал на себя внимание. В Горный он поступил после недолгого учения в лётном училище, затем отбывания срока в местах не столь отдалённых за какую-то драку и взятия всей вины на себя. Срок был пять лет («Трудно только первые пять лет, а потом легко» - известная шутка питерских Крестов), но отсидел он значительно меньше, а потом, немного поработав, ещё и сумел поступить в институт. Тогда это было просто невозможно. Вероятно, заслуги деда сыграли свою роль. Семья Вити жила на улице Пархоменко, которая в те времена, когда мы были студентами, выглядела весьма патриархально. Среди полей и деревьев кое-где стояли деревянные домики. В первом этаже одного из таких двухэтажных домов жила семья П. Мать Вити рассказывала, что раньше весь дом принадлежал Витиному деду. Здесь пережили они и блокадное время. Как-то одна сокурсница, поклонница Вити, принесла

заметку из «Ленинградской правды», где описывалась жизнь семьи П. в те годы. Отец работал в «оборонке», и они помимо своих двух малолетних детей приютили ещё каких-то бездомных. Про Витю я от кого-то слышал, что, по словам матери, он перестал от голода ходить и пошёл вновь в конце блокады в возрасте около четырёх лет, но крепкое здоровье и костяк были дедовские.

Когда мы на первом курсе проходили медосмотр, на Витю сразу обратили внимание и мы, и врачи. Он был чуть выше среднего роста, но сложен как бог эллинов. Правда, исключительно красивую и мускулистую фигуру несколько портили слегка кривоватые, хотя и очень крепкие ноги. Лицо его то же привлекало: смелое с бесстрашными голубыми глазами при очень густых, всегда коротко стриженных чёрных волосах. Кажется, были в семье в каком-то поколении и англосакские корни. Об этом свидетельствовал старинный пробковый колониальный шлем, хранившийся в доме в качестве семейной реликвии. Вообще, вся семья (по крайней мере, её мужская часть) была очень спортивная. И отец, и трое его сыновей предпочитали лыжи и велосипед. Младший, уже послеблокадный (1944 г.р.) брат был мастером спорта и чемпионом вузов города по велосипеду. Сам Витя, учась в последних классах школы, входил в юношескую сборную города по прыжкам с трамплина, но как-то, спрыгнув ранним утром с Большого Кавголовского трамплина самовольно (поскольку юношам ещё не разрешали с него прыгать), порвал себе связки, зацепившись внизу на выкате после приземления за цепь, которая преграждала путь и была на замке, а он этого не знал и на скорости не успел скоординироваться. Витя обожал горные лыжи, не пренебрегал и беговыми, преодолевая «десятку» при хорошем скольжении менее чем за 37 минут (тогда «классикой» это был первый разряд). На гоночном велосипеде, используя для торможения свои ноги-столбики, он ездил каждый день все пять лет учёбы в институт от своего дома. После крымской практики на велосипеде расстояние более 2200 км он покрыл за десять дней. Во время зимних каникул Витя, набрав команду из

Разговор у костра

желающих, некоторые из коих, как потом выяснилось, и на лыжах-то толком стоять не умели, отправился в поход по Кольскому полуострову, и им, заночевавшим где-то на лавиноопасном склоне, просто повезло, что их не накрыло лавиной и т.д. Увлечением Вити был и альпинизм, хотя он, как кажется, занялся им, чтобы посмотреть новые места. Второй разряд Витя получил, уже работая в Сеймчане, и покоряя новые вершины, приезжая в отпуск. В одном из отпусков он стал чемпионом среди альпинистов по лыжному троеборью (бег, слалом и прыжки с трамплина). Конечно, это был, что называется, «сорви-голова» и, по-видимому, с несколько сдвинутой психикой; хотя, конечно, что такое норма, точно не скажет ни один психолог.

В Горный институт Витю, вероятно, привели, с одной стороны, мятежная душа; с другой, - возможность путешествовать и жить на природе при нелюбви к цивилизации и городским удобствам. Его голова была забита арктическими походами Нансена и Амундсена, «Моби Диком», Рокуэллом Кентом и т.д. Его любимыми изречениями были цитаты царя Соломона из Экклезиаста, которые тогда ещё были мало известны в обществе. Даром свыше был очень приятный баритон. Витя не имел школы, но пел замечательно; правда, к сожалению, только чужие песни. У меня сохранились его записи с его же аккомпанементом под гитару. Впервые слышавшие их всегда удивлялись, почему не знали о нём раньше.

Неосуществлённой мечтой, которую Витя вынашивал с самого начала своего приезда в Сеймчан, осталось покорение пика Победы – высочайшей вершины (3147 м) хребта Черского. Зато он всюду путешествовал весной в окрестностях Сеймчана в районе горного массива Туоннах. На третий год своего пребывания в Сеймчане Витя при нашей помощи построил на склоне Пионерской сопки, примерно в 5 км от посёлка, трамплин из лиственницы, с которого прыгал метров на 25.

Общаться с Витей было непросто: то он был прелесть - добрый, понимающий, готовый для друга на всё и т.д., то вдруг настроженный, молчаливый с пренебрежительным взглядом, легко могущий обидеть резким, но обычно справедливым замечанием, готовый к драке. Людей подчас судил очень строго. Несмотря на его независимость, было в нём временами что-то очень незащищённое. Как-то со временем и бытом окружающим был он не в ладу. Энергия его нередко была направлена не туда – на борьбу с мельницами. Недаром одной из его любимых песен была песня о Дон Кихоте:

«Наступила эпоха больших скоростей.

Всё уносится вдаль без оглядки.

Даже в самом начале карьеры своей уж никто не играет в лошадки.

Но порою замолкнет толпа не дыша, иль взрывается бомбою смеха.

Это дряхлая кляча везёт, не спеша, Дон Кихота двадцатого века».

Учился Витя в институте неровно, уделяя достаточное внимание одним предметам, другие же совершенно игнорируя. Первые лет пять работы в экспедиции он почти не читал специальную литературу, утверждая, что до всего нужно дойти своим умом. В

поле работал упорно и аккуратно, выбрав поиски рудного золота и презирая всякие абстрактные «псевдонаучные измышления», т.е. были в нём задатки ортодокса.

Он обладал мощной энергетикой, невольно действующей на окружающих. Подчас был совершенно непредсказуем. То не употреблял алкоголь месяцами, то вдруг ни с того, ни с сего напивался и мог продолжать этот процесс по два-три дня, хотя запоями это никак нельзя было назвать. Никогда не пил с теми, кто ему в это время не нравился.

Периодически совершал необычные поступки. Вот один из них. Витя вечером пьяненький едет по снежному зимнему Сеймчану на велосипед, который привёз с собой из Ленинграда на самолёте. Вместо переднего колеса – самодельный деревянный конёк с металлическим подрезом, на заднем колесе вместо резиновый покрывки войлочный обод. Дорога узкая, впереди три фигуры. Когда он догоняет их, то оказывается, что это три кандидата наук (один из них – главный геолог экспедиции), что для Сеймчана, конечно, большой перебор. Витя кричит, чтоб они дали дорогу, те – не реагируют. Тогда он, впритык подъезжая, цедит сквозь зубы, но громко: «Посторожитесь, кандидаты ср...!».

Вот другой случай. Молодёжная компания на втором этаже двухэтажного типового для севера дома. Заходит Витя. Компания: «О, привет! Садись. Вот, выпей!». Витя: «Жарко у вас». Компания: «Можно, конечно, окно открыть, но хлопотно – оно заклеено, а на дворе холодно». Витя: «Ну, открывать не обязательно. Можно и по-другому». И никто не успевает моргнуть глазом, как Витя разбегаётся (он в рубашке с закатанными рукавами) и прыгает в окно, прикрывая правой рукой лицо. Стекло вдребезги, женские крики и т.д. Ещё минуты три – и на пороге комнаты появляется тот же Витя. Он отряхивает снег и достаёт осколки стекла из окровавленных рук, но их (стёкол) немного. Витя: «Ну, что ж. Теперь можно и выпить». На следующий день он умудряется спозаранку принести стекло и вставить его на место одеял и подушек, которыми было временно заделано окно.

Жил в Вите мятежный дух, часто не находящий выхода. Такие люди созданы для боевых действий, чрезвычайных ситуаций, покорения стихий и т.д. Им нужен адреналин. В суеде улиц и потоке машин они не находят себе места, нередко совершая глупые поступки.

Послесловие. В первой книге баек я уже писал, как погиб Витя. Катаясь на слаломных лыжах, он спустил лавину (осов) и был погребён ею, не сумев освободить ботинки от ременных креплений. Его нашли только через полтора месяца и похоронили на кладбище за аэропортом. До сорока лет он не дожил двух месяцев.

Теперь немного о судьбе и том, что её не следует искушать. Когда Витю спрашивали, не наелся ли он Кольмо-Омолонским регионом и не пора ли ему перебраться в Питер, где есть такие геологические организации, как ВСЕГЕИ и НИИГА, Витя отшучивался: «Нет. Я себе уже и местечко за полосой присмотрел» (имелся в виду погост за взлётной полосой аэропорта).

В декабре 1978 года Витя написал мне, что собирается в отпуск в январе 1979 года,

и не могу ли я поискать ему место работы. Лучше, если это будет геосъёмка м-ба 1:50.000 или поисковые работы на золото в районах Арктики. Я, работавший тогда в Арктической КГРЭ, зашёл на Мойку, 120 в кабинет Б.Х.Егизарова, переправившего меня к Н.К.Шануренко. На поиски россыпного и рудного золота на Северной Земле нужны были тогда кадры. Николай Константинович прослушал меня и обрадовался: «Это как раз то, что нам надо». Витя к тому времени имел уже тринадцатилетний опыт работы на золото. Он стал признанным специалистом, открыл интересное рудопроявление (ныне месторождение), имел грамоты от Мингео.

Здесь я вынужден немного сказать о семейном положении Вити. В Сеймчане у него была жена и две малолетние дочери. Его супруга тоже была неординарной личностью. Оба с характером – нашла коса на камень. С Витей они то расходились, то сходились. Никто не хотел уступать. Оба были одарены физически и не могли жить подолгу отдельно. В экспедиции к этому привыкли. Начальник экспедиции выделил в новом доме для Вити небольшую комнатку, где Витя держал свои многочисленные лыжи, велосипед и любимые книги и где жил, когда была полоса войны. Когда он в январе собирался в отпуск, была как раз такая полоса. Январь в Сеймчане обычно очень морозный и самолёты не летают из-за туманов, но тут случился циклон и повалил снег. Продолжалось это дня три. На четвёртый день с утра также шёл снег и дул ветер. Витя позвонил на метео, ему сказали, что прогноз плохой и аэропорт закрыт на целый день. Потом ему позвонила жена и попросила, чтобы вечером он забрал дочку из садика.

Да, опять нелётная погода. Витя взял лыжи и отправился на сопку. На ногах были беговые лыжи, за спиной в чехле – слаломные лыжи и ботинки. Когда он шёл по посёлку, его видел только один человек, и тот не был уверен, что это Витя. Дальше произошло то, о чём я уже писал.

Случилось так, что погода резко изменилась, и аэропорт после обеда открылся. Борт на Магадан улетел. Все думали, что Витя улетел этим рейсом. Его жена возмущалась, что перед отъездом он не предупредил, что не сможет забрать дочь из садика. Такое вот роковое стечение обстоятельств. Такая вот судьба.

В честь Вити названа господствующая вершина горного массива Туоннах высотой 2154 м, хорошо видная из пос. Сеймчан.

Про «жмуриков»

Как и на всей планете, в Сеймчане люди жили по-разному, кто-то рождался, а кто-то умирал. Правда, умирали нечасто и уж совсем редко от старости. Обычно же это были несчастные случаи и т.д. Всё же случалось. Надо сказать, меня, когда я появился в Сеймчане, неприятно поразило, что ранней осенью до начала морозов на местном погосте уже готовили ямы, учитывая определённую статистику.

История первая (совершенно правдивая)

В стационарной геологоразведочной партии умер (или погиб, не знаю) рабочий. Февраль, ещё стояли морозы. В нашу

экспедицию сообщили – ждите борт и т.д. Но погода стала портиться и, вроде бы, дали отбой. Была пятница, и получилось так, что АН-2 всё-таки вылетел и привёз покойного, но в аэропорту почти никого уже не было, в экспедиции – тоже. Пилоты спешили домой, а двое рабочих, сопровождавшие груз, решили, что пока из посёлка в аэропорт доедет машина, они ещё успеют сбежать в магазин (понятно зачем). Взяли они груз, который был зашит во вкладыш от спального мешка и поставили его в уголок при входе в аэропорт; сами же потопали в магазин.

Около аэропорта обычно всегда толкуются бичи – погреться можно, если милиция не прогонит и т.д. Кто-то из них видел, как из АН-2 вытащили какой-то мешок и оставили у входа в аэропорт. «Ага, это геологи оленя привезли, а сами в магазин. Понятно». Машина из экспедиции приехала только через полчаса; рабочие, сопровождавшие груз с прииска, были уже навеселе. А груза-то нет. Ищи – не ищи. Пропал жмурик.

Нашли его дня через два. В экспедицию кто-то позвонил и поинтересовался: «Не Ваш ли там лежит в кювете за Вторым посёлком по дороге на Якутский». Больше и некому было. А случилось вот что. Бичи потащили мешок на одну из своих бич-хат, ну, а когда узнали, что там, то решили оттащить его подальше и в канаву.

История вторая

Эту историю рассказал мне геолог из Певека. Я сам там никогда не был, поэтому, прошу простить, если в рассказе будут какие-то географические неточности. И так, тоже в камеральный период, и тоже в стационарной партии умер рабочий. Привезли его в Певек. Оказалось, что никаких сведений о его родственниках в экспедиции не имелось. Был, что называется без роду, без племени. Для северов история достаточно банальная. Таких хоронят за госсчёт, а для самой процедуры находят двух-трёх более-менее надёжных местных рабочих и дают им по бутылке водки и по лопате в руки. Так было и на этот раз.

Если я правильно понял рассказчика, из окон экспедиционного здания видна дорога на кладбище, которое находится на возвышенности. Рабочих и гроб довели до подъёма, а там то ли дорога узкая, то ли гололёд. Одним словом, выгрузили их, и машина поехала в экспедицию. Вечером народ смотрит из окон камерального здания и видит, что спускаются с горки от кладбища трое. Причём двое пьяные, но всё-таки ещё более-менее идут и тащат под руки третьего, а он вообще никакой. Правда, падают периодически все вместе.

Потом выяснилось, что у ребят с собой, кроме двух халявных бутылок, был ещё и самогон. Они решили не торопиться. Поднялись на возвышенность. Сели, выпили, то да сё. Потом ещё. Пошли. Уронили гроб. Потом опять выпили. Смотрят: один лежит. А этот-то откуда взялся? Хотели дать ему выпить, а он в отключке. Допили свою самогонку – пора и домой. Ну и этого бросать не стоит. Взяли под ручки и вниз с горочки под песню: «Вот кто-то с горочки спустился...».

Продолжение в следующем номере
Корпо Е.А.

